

МАСТЕР
УЖАСОВ

Рэмси Кэмпбелл

УСМЕШКА ТЬМЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К98

Серия «Мастера ужасов»
Ramsey Campbell
THE GRIN OF THE DARK

Печатается с разрешения автора
при содействии John Jarrold Literary Agency
и Anastasia Lester Literary Agency

Перевод с английского: *Григорий Шокин*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Кэмпбелл, Рэмси

К98 Усмешка тьмы / Рэмси Кэмпбелл.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017.— 572, [1] с.— (Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-099895-1

Саймон — бывший кинокритик, человек без работы, перспектив и профессии, так как журнал, где он был главным редактором, признали виновным в клевете. Когда Саймон получает предложение от университета написать книгу о забытом актере эпохи немого кино, он хватается за последнюю возможность спасти свою карьеру. Тем более материал интересный: Табби Теккерей — клоун, на чьих представлениях, по слухам, люди буквально умирали от смеха. Комик, чьи фильмы, которые некогда ставили вровень с творениями Чарли Чаплина и Бастера Китона, исчезли практически без следа, как будто их специально постарались уничтожить. Саймон начинает по крупницам собирать информацию в закрытых архивах, на странных цирковых представлениях и даже на порностудии, но чем дальше продвигается в исследовании, тем больше его жизнь превращается в жуткий кошмар, из которого словно нет выхода... Ведь Табби забыли не просто так, а его наследие связано с чем-то, что гораздо древнее кинематографа, чем-то невероятно опасным и безумным.

© Ramsey Campbell, 2007
© Григорий Шокин, перевод, 2017
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается Питту и Ники,
которые уберегли меня от безумия*

1: Я — НЕ ЛИШЕНЕЦ

Не успел я и палец от кнопки звонка оторвать, как интерком, кашлянув, оживает и выдает:

— М-да?

— Привет, Марк.

— Это Саймон! — рапортует Марк, семилетний сынишка Натали, затем спрашивает нетерпеливо:

— Работу нашел?

Едва я раскрываю рот, за моей спиной — где-то на волнах Темзы — гудит прогулочный пароход. Звук услужливо доносит до меня недружелюбный ноябрьский ветер. Под Тауэрским мостом проплывает баржа, расцвеченная яркими огоньками. Проезжая часть снизу идет мерцающей рябью, словно двигается, как будто мост сейчас разведут. Корабль, забитый элегантно выглядящими кутилами, скользит мимо меня. Мужчина с круглым луноподобным лицом смотрит на меня из иллюминатора и салюту-

ет бокалом шампанского — при этом улыбается так широко, что я невольно думаю: с моим внешним видом что-то не так. Но нет, все в порядке. Пароход уплывает дальше, оставляя за собой блики на воде, вскоре, впрочем, исчезающие в черноте реки, зеркально отражающей мрак вечернего неба.

По обитому сосной полу вестибюля стучат чьи-то поспешные шаги, и я уже готовлюсь улыбнуться Марку, но открывает дверь отец Натали.

— А вот и Саймон, — объявляет он. В его полном, но при этом угловатом лице больше радости, чем в голосе. Возможно, всему виной искусственный загар — жалкая альтернатива отъезду из Калифорнии; выбеленные солнцем брови стали почти серебряными, гармонируя с короткими жесткими волосами такого же оттенка и бледно-голубыми глазами. Пока мы с отцом Натали обмениваемся крепким, несколько болезненным и коротким рукопожатием, эти глаза изучают меня.

— У тебя пальцы как ледышки, дружище, — сообщает он и тут же поворачивается ко мне спиной. — Марк говорит, у тебя хорошие новости.

К тому времени как я затворяю за собой тяжелую дверь — стены здесь толстые, дом переделан из складских помещений, — он уже карабкается вверх по лестнице из бледной сосны.

— Уоррен... — говорю я ему вслед.

— Скажешь все семье, — отмахивается он и добавляет, повышая тон, чтобы услышали во всем доме: — Наш Мистер Успех прибыл!

Жена Уоррена, Биб, появляется из главной спальни, и вид у нее такой, словно она пытается чисто на глазок угадать, не изменяю ли я Натали. Ее щекастая физиономия в обрамлении коротко стриженных по последней моде волос цвета меди краснеет на глазах от воодушевления.

— Что ж, послушаем, что он нам скажет,— говорит она и следует за мужем мимо развешанных по стенам дизайнерских журнальных обложек Натали, скрашивающих местное убранство.

Марк стрелой вылетает из своей комнаты рядом с ванной, кричит на бегу:

— Вау, Саймон!

И вот наконец сама Натали появляется в гостиной. Одаряет меня улыбкой — гордой, но в то же время понимающей, предназначенной только для нас двоих. Когда рядом ее родители, особенно заметны общие семейные черты: такие же веснушки, как у Биб, такие же рыжие волосы — если даже не короче. Чувствую себя изгоем. Разеваю рот, пробую начать:

— Послушайте, все, я...

— Придержи коней,— говорит Уоррен и идет на кухню.

Почему все-таки супруги Хэллоран здесь? Что они купили дочери и внуку на этот раз? Их деньгами тут оплачено все: плазменный телевизор, DVD-плеер, миниатюрный роутер и компьютер с корпусом, напоминающим шоколадную плитку. Надеюсь, бутылка шампанского, которую Уоррен вносит на серебряном подносе, в окружении четырех бокалов, из старых запасов.

Я прочищаю горло — во рту настоящая пустыня.

— Это ведь все не для меня, да? — хрипло каркаю я. — Меня не взяли на работу.

Уоррен меняется в лице. Он ставит на низкий столик поднос с шампанским. Хмурит брови — застывший бодрый оскал выглядит теперь нелепо. Губы Биб стягиваются в тончайшую бескровную полоску. Натали склоняет голову — в ту же сторону, куда кривится краешек ее нервной улыбки. И только Марк, похоже, в замешательстве.

— Но ты... ты был такой счастливый, — обвиняющим тоном произнес он. — Такой... такой звук выдал...

— Это был пароход, — говорю я ему.

— Неужели нельзя отличить Саймона от парохода? — спрашивает Натали Марка, и ее родители тускло переглядываются.

— Рассказывай — подает голос Уоррен.

— Ну... — приходится объяснить. — Там по реке плыл...

Прежде чем Марк дослушал, встряла Биб — и раздражение, звучавшее в ее голосе, лишь должно было казаться незначительным:

— Вот уж не думал никто, что ты подался в защитники китов. Может, сэкономить время и найдешь-таки себе достойную работу?

— Нет. В смысле... киты тут ни при чем. Мне на них плевать. Марк, разница между мной и пароходом: пароходу, чтобы плыть, нужно паром напиться, ну а мне, чтоб просто жить, нужно на плаву держаться.

Понимаю, не самый подходящий момент для рифмованных шуточек, но мне она показалась к месту. А вот родители Натали явно думали, что я должен сгореть со стыда прямо на месте за всю эту клоунаду.

— Почему тебя не взяли работать в журнал? — спрашивает Марк. — Ты же сказал, это то, что нужно. Ты *хотел* эту работу!

— Не всегда мы получаем то, что хотим, малыш, — говорит Уоррен. — Порой приходится соглашаться на то, чего мы заслуживаем.

Натали смотрит на меня — быть может, побуждая к ответу, — и произносит:

— Так и есть.

Биб приобнимает дочь за плечи.

— А еще у вас двоих всегда есть мы, ты же знаешь.

— Ты так и не сказал, — напоминает о себе Марк.

Стол редактора стоял у самого окна, и за ним были видны лондонские просторы, но когда он озвучил мне свое решение, я почувствовал себя так, будто меня запихнули в тесную коробку.

— Они бы взяли меня на работу, — отвечаю я, — если бы я не упомянул... кое-что. Одно словечко.

Биб закрывает ладонями уши Марка:

— Если это то, о чем я думаю, то мальчику не стоит его слышать.

— Да нет же, — отвечает тот. — Он про «Кино-оборзение».

Она убирает руки так быстро, словно уши внука раскалились:

— Мамочка, я поражаюсь, что ты позволяешь ему слышать такие слова.

— Он видел, как я читала один из номеров. Как же быстро ты забываешь, — качает головой Натали. — Я *тоже* работала на этот журнал. Если бы не он, я никогда бы не повстречала Саймона.

Все взгляды сходятся на мне, и слово берет Уоррен:

— Не понимаю, как одно-единственное упоминание об этом заставило их отказаться от тебя, тогда как за Натали чуть ли не борьба шла.

— Она была всего лишь дизайнером.

— Не меньший грех, скажу я тебе.

— Не спорю. Даже побольше моего. Внешний вид журнала — целиком на ее совести, и именно благодаря ей он так хорошо продавался... Ну, а моим именем просто была подписана добрая половина статей.

— Может, тебе стоит просто не упоминать его?

— Не хочешь же ты, чтобы люди думали, что ты намеренно отлыниваешь? — добавляет Биб.

— Саймон работает. Ему нелегко, — Натали не оборачивается к родителям — смотрит куда-то надо мной. — Одна работа днем, другая ночью. Это, если хотите знать мое мнение, не так-то просто.

— Просто не слишком выгодно, — подводит черту ее отец. — Ладно, Саймон, давай отвезу тебя на работу. Нам как раз пора домой...

— Не ждите меня. Я успею на метро.

— А может, не стоит рисковать? Представь себе — только что потерял одну работу, опаздываешь на вторую...

Натали ободряюще улыбается мне, а Марк говорит:

— Пойдем, я покажу тебе мой новый комп, Саймон! Он круче того, что накрылся!

— Все лучшее для юного мозга! — восклицает Биб.

— Вложение в наше общее будущее, — поддакивает Уоррен. — Ты уж прости, Марк, но как-нибудь потом, сейчас нам надо ехать.

Супруги Хэллоран обмениваются с дочерью невинными семейными поцелуйчиками, и я вслед за ними одаряю Натали таким поцелуем, который не смутил бы Марка. А тот, отделавшись коротким «пока», уходит в свою комнату — возиться с новообретенным компьютером. Я стискиваю холодную ладонь Натали напоследок, будто извиняясь, и следую за ее родителями на подземную парковку.

Кирпичная колоннада, взирающая на нас глазками камер видеонаблюдения, бросает на каменные плиты пола решетчатую тень. Машина бибикает и мигает фарами со своего парковочного места, отзываясь на брелочную сигнализацию Уоррена. Я забираюсь на заднее сиденье и защелкиваю ремень безопасности; машина выруливает задним ходом, разойдясь впритирку со стоящим неподвижно «ягуаром». На выезде нас едва ли не скребет по крыше поднимающаяся автоматическая дверь.

— Уоррен! — взвизгивает Биб, скорее восторженно, чем испуганно.

Узкое пространство пролегшей между бывшими складами аллеи усиливает рев двигателя

ля. Мы выезжаем на большую дорогу. Уоррен не глядя (и не особо церемонясь) втискивается в общий поток машин.

— Эй, а тормоза для чего придумали? — отвечает он на возмущенную симфонию клаксонов и включает музыку.

Первые ноты «1812 года» Чайковского обволакивают все вокруг, когда подсвеченные башни Тауэра исчезают в зеркале заднего вида. На резком повороте меня бросает вперед — настолько, насколько позволяет ремень. Уоррен, видимо, слишком захвачен музыкой, чтобы это заметить. Когда мы проезжаем Кенсингтон, он еще больше увеличивает громкость, чтобы заглушить диск, доносящееся из «тойоты», которая стоит рядом с нами на светофоре — Биб зажимает уши ладонями. Увертюра возносится к уверенному крещендо на Хаммерсмитской эстакаде, за которой виден извив Темзы и небо над ним — небо, чье спокойствие нарушено огненными сполохами и грохотом, сотрясающим даже нашу машину. Фейерверки взлетают ввысь над Каstellно и пышно расцветают один за другим — искры-осколки растворяются в вечерней тьме. К Ночи Гая Фокса они опоздали ровно настолько же, насколько опередили новогодние празднества. На Грэйт-Уэст-роуд мелодия подходит к торжественному финалу, из-за чего далекие взрывы кажутся моим бедным ушам слабыми и какими-то искусственными.

— Как тебе музыка, Саймон? — окрикивает меня Уоррен.

— Великолепно, — я сам себя едва слышу.

— Вот и мне нравится! Парень знал, что любят люди, и впаривал им это. Так много врагов не наживешь.

— Не можешь понравиться — не стоит и пытаться, — поддакивает Биб.

— Все, что я делал, — раскрывал подноготную фильмов, которые стояли на верхних строчках кассовых сборов и критических рейтингов, — раздражаюсь я. — Колин написал статью про оскароносных наркоманов. Ну да, названо было много чересчур громких имен, вот нам и заткнули глотки.

Супруги Хэллоран уставились на меня в зеркало заднего вида — так, будто бы и думать не думали про «Кинообозрение». После паузы Уоррен выдал:

— Вот поэтому и стоит быть осторожнее в выборе друзей. Их репутация может повлиять и на твою.

Не знаю, говорит ли он это мне — или обо мне. Не знаю. На Темзе рыбачат. С Хитроу взлетают самолеты — неугасимые фейерверки. А Уоррен тормозит у видеотеки — тут моя дневная работа — и, визжа шинами, выносит машину на кольцевую в Эгхем. Когда мы съезжаем с Мэйнроуд, неподалеку от шлагбаумов Лондонского университета, Биб тычет пальцем в студента, на голове у которого дорожный конус — милое воспоминание о Хэллоуине. Машина Уоррена тормозит наверху улицы, меж двух рядов коекак припаркованных машин.

— Открывай, а я пока подыщу местечко для машины, Саймон, — напутствует он меня.

Спешу к погнутым металлическим воротцам у дома, что принадлежит Хэллоранам, распахи-

ваю их навстречу кривой подъездной дорожке. Низкорослый рододендрон опутал сетью большой полосатый паук. В их саду этот чахлый кустик — единственная растительность, если не считать косматых пучков травы. В свете фонарей паутина трепещет оранжевым светом, куда более ярким, чем цвет листьев, и даже сам паучара кажется светящейся лампочкой. Взбежав трусцой по ступенькам к обшарпанной двери, я с трудом проворачиваю ключ в тугом замке.

— Здравсьте! — кричу я в отворившийся проем. — Ваши хозяева прибыли!

Холл тускло освещен, тени ложатся на щербатую мозаику на полу. Тут две двери: в одну из них преграждает вход запечатленный на постере дедина с мачете в руке (там живет Вул), в другую — криво нарисованный Голлум (обитель Тони). Все тут провоняло пищей и чем-то вроде конопли. Обстановочка та еще, но, оборачиваясь к Биб, я стараюсь сохранить невинное выражение:

— Просто даю знать людям, что вы тут — вдруг они в непотребном виде.

Уоррен приближается к нам от машины, запаркованной через дорогу от дома, и она сразу рапортует ему:

— Он предупредил студентиков о том, что мы здесь.

— Свои люди — сочтемся, да, Саймон?

— Ну, когда-то и я был студентом. Не так уж и давно. Большое спасибо за то, что разрешили мне занять эту клетушку.

Смотрю, как супруги Хэллоран нога в ногу вышагивают через холл, оклеенный обоями

в крупный листик, который кажется неуместным в здешней тесноте. Биб стучит в дверь Вула и сразу же пробует открыть, Уоррен проделывает то же самое с дверью Тони, но обе комнаты заперты. Биб включает свет в гостиной и одаривает меня хмурым взглядом. С чего бы, думаю я, ведь моя совесть чиста — в отличие от загаженного пегого ковра на полу. В любом случае весь этот мусор — комки газет, невымытые тарелки, два фольговых контейнера с заплесневелыми пластиковыми вилочками, наполовину рассыпавшимися, босоножка со сломанным ремешком — не так уж сильно противоречит интерьеру, представленному разнообразными дряхлыми стульями, допотопным телевизором и пыльным видеомагнитофоном.

Биб собирает всё с пола и несет на кухню. В мусорном ведре, разумеется, нет места. И раковина забита до отказа.

— Ты вроде бы взрослый человек, Саймон, — жалуется она, вываливая свою ношу на стол между тарелок с присохшими заскорузлыми хлопьями. — Долго тут все это копилось?

Я бы сказал ей, где провел прошлую ночь, но Натали предпочла держать наши отношения под неким покровом недосказанности до тех пор, пока у меня не появится работа, которой мы могли бы гордиться. Храня молчание, я смотрю, как Уоррен забирает ведро, но Биб, расставляя посуду, разыгрывает такой раздражающий моноспектакль из вздохов и охов, что я вынужден вмешаться:

— Я не могу изображать хозяйшку при такой загрузке на работе.

